

Глава 3

Вдоль частых полей и лугов тянется асфальтовая дорога, по которой время от времени проезжают маленькие и большие колёсные драндулеты. Почва под ногами после случившего накануне ливня уже успела подсохнуть. На синем небе ни облачка, и солнце жарит во всю мощь. А я, обливаясь потом, бодрым шагом иду вдоль дороги с коллом* за спиной. Путь мой лежит в славный город Липецк, куда меня пригласила недавняя знакомая, Наташа.

Экзоскелет свой я прикопал в том же лесочке. Целую ночь выбирал место, где никто особо не ходит. Ну и копал трёхметровую яму плазменным резаком, возясь в грязи и влажной земле. Запачкался жутко.

По здравому размышлению решил не заходить в находившуюся поблизости деревню. Как ни посмотри, одет я для здешних людей странно, не имею бумажного удостоверения личности*, денег. Да и если вести достаточно продолжительный разговор, люди поймут что что-то со мной определённо не так. В моей повседневной речи присутствует много слов и конструкций, которые будут непонятны среднестатистическому человеку этой эпохи. И наоборот, я могу не понимать какие-то специфические жаргонизмы или термины, которые позже, за ненадобностью, вышли из употребления.

Грязь с открытых участков кожи удалось более или менее стереть. Вот только, боюсь, несёт от меня не хуже, чем после хорошенького рейда. Чутко передохнув и подкрепившись, утром отправился в путь. Надеюсь, мне удастся дойти до Наташи без приключений. А то здешние реалии я представляю себе очень смутно.

Сзади слышится приближающийся рев мотора. Отхожу ещё правее, на обочину, и оборачиваюсь. Это оказался жёлтый маленький неказистый автомобиль, который слишком сильно и противно рычал для продемонстрированной им тихоходности. Вот ещё одна проблема. Я с трудом различаю эти машины. По мне так все они одинаковые, и представляют из себя какую-то жуткую древнюю рухлядь, которая чудом просто не разваливается на ходу.

Тем временем машина с визгом остановилась неподалеку и из неё вышел мужчина в коричневой рубашке с подвёрнутыми рукавами. На лицо присутствовали признаки эндокринного дисбаланса, выражающиеся в лишнем весе и проплешине на макушке, свидетельствующей о интенсивном выпадении волос. На вид ему можно дать лет восемьдесят – девяносто*. Если не учитывать, конечно, такие проблемы со здоровьем. В общем и целом, по крайней мере, внешне он производит вполне приятное впечатление. Лицо умное, волевое, походка уверенная, в руках есть сила.

- Эй, молодежь, куда путь держишь? Может подвезти? – добродушно улыбаясь, спросил меня водитель.

Так что делать? Отказаться? А это не будет слишком подозрительно? Согласиться? С одной стороны быстрее доберусь до места, с другой... этот вариант предполагает живое общение.

- Спасибо, буду очень благодарен. Мне в Липецк надо, - улыбаясь в ответ. Я решил не жевать сопли, а, раз уж представилась такая возможность, налаживать контакты с людьми.

- Ну, тогда нам по пути. Меня Николай зовут. Можно просто Коля, - протягивает он мне ладонь для рукопожатия.

- Меня Ярослав, можно просто Яр, - пожимаю ему руку. Познакомившись, таким образом, мы сели в машину. Он первым открыл дверь, а я, поняв как это делается, дёрнул за ручку спустя

несколько секунд.

Надо сказать, поездка на данном агрегате далась мне очень тяжело. Постоянное опасение, что автомобиль вот-вот взорвется, очень здорово играло на нервах. Все мои инстинкты буквально вопили, что если техника издаёт подобные звуки, надо бежать от неё как можно быстрее и дальше. Приходилось смирять выработанные за всю свою, не такую уж и короткую, жизнь рефлексy и, не показывая свои истинные чувства, спокойно сидеть, бодро общаясь с Николаем.

Как ни странно, но мои опасения оказались во многом напрасными. Николай большой охотник почесать языком и всю дорогу он, в основном, болтал на совершенно разные темы. Я в нужных местах поддакивал и односложно отвечал на его вопросы.

Некоторым удивлением для меня стало, что этот человек на четыре года младше меня. Ещё один, так сказать, маркер. Я, вроде бы, знал, что сто лет назад средняя продолжительность жизни была в два с половиной раза меньше, но как-то забыл соотнести это с данной, совершенно новой для меня, реальностью.

Вообще Николай и не подозревает, насколько помог мне. И дело даже не в сэкономленном времени. Своей болтовней он дал мне кое-какое реальное представление нынешней жизни. Взять, например, совершенно жуткий, в моём понимании, дефицит. Или другие вещи, вроде некоторой инфантильной наивности здешних людей. По крайней мере, Николай показался мне именно таким. Многие его пассажи выдавали подобный образ мыслей. Что отнюдь не радует.

Хорошо, промой комбез он спросил уже ближе к концу, а то сморозил бы я какую-нибудь глупость. К счастью, после вываленных на меня тонн полезной информации, удалось родить более или менее стройную версию. Мол, мой отец работает на одном секретном военном производстве. Там запороли кусок какого-то очень интересного полимера. Вот и раздали сотрудникам, как прибавку к зарплате. А я смастерил себе из него прикольный костюм. И поехал с друзьями на сходку любителей космоса. Так вышло, что нормальная одежда пришла в негодность, и пришлось идти обратно в этом.

По-моему, рассказанная мной история является дичайшим бредом, но Николай в неё, как ни странно, поверил. Напоследок спросил у него городской адрес. Может найду как-нибудь отблагодарю человека. Всё-таки помог, бесплатно довёз практически до дома Наташи. В этом времени такое должно быть редкостью.

Пока мы ехали, я не особенно смотрел в окно, точнее не особенно обращал внимание на то, что там происходит. Все силы уходили на борьбу с инстинктами и поддержание разговора.

Но вот я вышел из машины и оказался на улице города Липецка, образца тысяча девятьсот восемьдесят шестого года. Пришлось прикладывать серьёзные усилия, чтобы выглядеть как простой обыватель, которому всё здесь знакомо. Даже не знаю, как выразить словами то, что на меня в тот момент обрушилось. Всё было очень непривычно. От домов и машин до людей, их моторики, жестов, темпа жизни что ли.

Какое-то время меня очень сильно цепляло. Вот только я никак не мог понять что. Но потом, сойдя с центральной улицы, понял, в чём было дело. Всё движение и людей, и машин было каким-то слишком медленным, неспешным. Я привык к совершенно другому течению жизни. Само моё мышление рассчитано на более быстрый ход событий.

А здесь... простой пример. Мне на глаза попалась семья с ребёнком. Они шли по тротуару, о чём-то разговаривали между собой, смеялись, их мальчик в это время ел мороженое. С моей точки зрения делали они всё так, будто кто-то, как в видео, замедлил воспроизведение на

какой-то определённый процент. И так вели себя абсолютно все люди. Однако, надо сказать, всё не настолько страшно. Замедленность бросается в глаза, но не интерпретируется по факту. А это значит, что я достаточно быстро смогу встроиться в такой ритм жизни.

Интересно, почему сразу этого не заметил? С Наташей и так всё понятно. Она находилась в очень нетривиальной ситуации, и некоторая заторможенность вполне объяснима.

А Николай? Что с ним? Почему не обратил внимание на него? Ведь было же что-то подобное в его движениях и манере говорить. Видимо, когда видишь перед собой одновременно десятки людей, чисто подсознательно доходит быстрее.

Надо сказать, на меня обращали внимание, некоторые даже оборачивались вслед. И это серьёзно подстегивало к тому, чтобы как можно меньше выделяться. Хотя бы поведением. Внешне же я очень сильно отличался от встреченных людей. Странная для этого времени одежда и более высокий рост делали своё чёрное дело.

Странно, но несмотря даже на низкие непривычные дома, допотопные колёсные машины, более медленный темп жизни, не было сильного ощущения чуждости. Чувствовал себя я здесь, конечно, не как на улице родного Ленинграда, но...

Если сравнивать этот Липецк и Липецк моего времени, в котором я, кстати, был, то разница, как ни странно, будет не такой уж и большой. Учítывая, что во время Войны город сравнивали с землёй, и его пришлось отстраивать заново. То есть, зданий старше пятьдесят восьмого там попросту нет.

Дело в самой одинаковой атмосфере спокойного уюта. Она незримо присутствует и там, и там. Честное слово, лучше бы я чувствовал себя здесь как в разорённых Войной немецких городах. Меньше диссонанса в подсознательных реакциях. А так, от разнонаправленных реакций меня чуть ли не тошнит.

Сейчас вроде полегче стало. Людей на этой улице заметно меньше, а машины почти не попадают. Ох, похоже, нужен период более или менее длительной адаптации. Иду, и цепко присматриваюсь к зданиям. Пока никаких противоречий в составленной по словам девушки виртуальной карте нет.

Не устаю поражаться, насколько же всё изменилось за сто лет. Эх, тяжело же мне придётся в той миссии, что я уже практически взвалил на себя. Уверен, возникнут серьёзные недопонимания между мной и этими людьми, которые придётся как-то решать. Грядущие события со всей очевидностью покажут, что вещи понятные и очевидные мне, совершенно не понятны и очевидны для них.

Так, от скопления людей сейчас лучше держаться подальше. А мой дальнейший путь лежит через центральный парк. Как бы его так обойти, не сбившись с намеченного маршрута? В конце концов, решаю идти дворами. В крайнем случае, спрошу у кого-нибудь дорогу.

На дворе был очень хороший солнечный день. Сегодня светило не обжигало своими лучами, заставляя тело покрываться потом, а нежно согревало, даря тепло и хорошее настроение. Замечательное время для того, чтобы куда-нибудь выбраться. В кино, например, или пойти с подругами прогуляться в парк. Может быть, сходить в музей, на какую-нибудь выставку. В общем, вариантов масса.

Однако Наташа не собиралась никуда выходить из квартиры. И уже отклонила предложение своих подруг, Лены и Эльзы, по походу в кино. Сослалась на плохое самочувствие. Сейчас она сидела в гостиной, на диване, и нервно перелистывала страницы четвёртого тома «Графа Монте-Кристо». Один из любимых её романов, если не самый любимый.

К сожалению, отвлечься никак не получалось. Дюма вчистую проигрывал воспоминаниям о вчерашнем знакомстве с гостем из будущего. Что удивительно, мандраж и нетерпение напали на неё только сегодня. После того как она, как следует, выпалась и взглянула на всё произошедшее немного под другим углом.

Так-то Наташа и не собирались весь день ждать Ярослава. Но поутру желание увидеться с ним серьёзно усилилось. Сильнейшее любопытство смешалось с чисто женским интересом, породив гремучую смесь, от которой по потолку хочется бегать.

Вообще встреча с пришельцем из коммунистического будущего серьёзно пошатнула жизненные установки девушки. Нельзя сказать, что она придерживалась антикоммунистической позиции и была убеждённой антисоветчицей. Просто всё это - «социализм», «коммунизм», «Ленин», «партия», не ассоциировалось у неё ни с чем интересным, тем, что будет олицетворять будущее. По мнению Наташи, это прошлое, которое сковывает, не даёт проклюнуться будущему.

С самого детства, в садике, в школе, им рассказывали про доброго дедушку Ленина, про пионеров героев, про героев Гражданской и Великой Отечественной Войны. Она, как и другие дети, верила в это. Однажды даже, будучи в первом классе, пришла как-то домой после школы и выстригла ножницами себе волосы спереди, чтобы «быть, как Ленин».

Мама с папой тогда сильно поругались. Мама очень переживала из-за этого, а отец не видел ничего плохого, да ещё и посмеивался тихонько. Вот мама и устроила ему небольшой скандал.

Но потом, уже в старших классах, все подобные мероприятия стали восприниматься как что-то ненужное и раздражающее. В самом деле, зачем по сотому разу повторять одно и то же? Тем более, подчас совершенно неискренне. С ней в одном классе учился Серёжа, сын второго секретаря Липецкого обкома. В принципе, нормальный парень. Но была в нём какая-то манерность, высокомерие, по отношению к остальным одноклассникам. Модные зарубежные шмотки, жвачка, которую он, казалось, не вынимал изо рта. Да и много чего ещё. То, что было в жутком дефиците, имелось у Серёжи всегда и в достатке.

Такое ярко выраженное неравенство всегда несколько корбило Наташу. После вступления в комсомол всё ещё сильнее усугубилось. Ужасный бюрократизм и высокомерие холёных детей партийных начальников, которые возглавляли ВЛКСМ, серьёзно отвратило девушку от всего связанного с Партией и Советской Властью. И спустя полгода после вступления она вышла из комсомола.

Родители её за это сильно ругали. Мать даже как-то в горячке обозвала «молодой дурой». Если учесть, что Ирина Ильинична употребляла такие эпитеты всего несколько раз в жизни, можно понять, в каком она находилась раздразе из-за решения дочери.

Друзья же, как ни странно, по большей части поддержали её в этом поступке. К тому же, два или три гола назад, где-то после смерти Андропова отец из Венгрии привёз новый магнитофон. Так уж случилось, что по нему вся семья стала слушать «Голос Америки». Иногда «ВВС». Это тоже наложило свой, довольно жирный отпечаток. Нельзя сказать, что они безоговорочно верили в то, что там вещают. Просто, как говорил папа, нужно «альтернативное мнение». Сама

Наташа воспринимала это как некое фрондерство по отношению к Советской Власти. Что зажигало в её пассионарной душе тёплый огонёк.

В институте, на лекциях по истории КПСС и политэкономии, можно было повеситься от скуки. Самые бесполезные и тупые предметы, по мнению всех студентов и преподавателей, не принадлежащих к стройной когорте тех, кто эти предметы и преподаёт.

Весь невеликий жизненный опыт практически подвёл девушку к выводу, что коммунизм является чем-то эфемерным и чуть ли не утопичным. Будущее, по её мнению, за неким синтезом социализма и капитализма. Ведь если всё человечество откинет в сторону глупые идеологические разногласия и объединится для строительства светлого будущего, это будет намного продуктивнее и лучше для всех. А тут...

Наташа не очень долго общалась с Ярославом, но он успел обмолвиться о том, что пришёл оттуда, где строят коммунизм. Это заставило её серьёзно задуматься. Но... да кого она обманывает?! Пришелец был очень красив и умен. Не удивительно, что при мысли о нём сердечко девушки начинало трепетать.

- Динь-динь. Динь, - раздался вдруг не особо мелодичный дверной звонок. Наташа аж подпрыгнула от неожиданности. Книга с глухим хлопком плюхнулась на ковёр. Более или менее уняв дрожь, девушка побежала в прихожую.

- Сейчас! Иду! - крикнула она уже почти у двери, поворачивая ручкой замок. - Ой!

- Здравствуй! - улыбаясь произнёс Ярослав, стоящий на пороге. - Надеюсь, я не сильно помешал?

На девушку же напал откровенный ступор. Она так ждала его, но сейчас, когда он пришел, у неё в голове царит звенящая пустота.

- А-а-а! Нет, не помешал! Я одна! Проходи! - невпопад ответила Наташа и посторонилась, пропуская гостя. Как она сразу заметила, одет он был в давешний, покрывающий всё тело, костюм. На нём, кстати, если приглядеться, видны следы грязи.

Пройдя в прихожую, мужчина, в некой нерешительности, остановился и начал внимательно оглядывать квартиру.

- Э? А где тут у вас... мда. Честно признаться, я теряюсь. А как сейчас у вас тут всё устроено? - обратился к ней пришелец. Впервые с начала, не такого уж и долгого, знакомства девушка увидела его таким... не знающим, что делать. И только сейчас она заметила, что у гостя за спиной висит что-то похожее на рюкзак. Только более ровное и как будто бы приклеенное к этой самой спине.

Вопрос чуть было не заставил девушку приложить ладонь к лицу. Он же из будущего! Наверняка у них, там, быт устроен как-то по-другому.

Как ни странно, но то, что гостю потребовалась помощь в таких простых вещах, вернуло ей самообладание. И следующий час она знакомила пришельца с элементарными для жителя конца двадцатого века материями. По крайней мере, в пределах одной квартиры.

Сейчас Ярослав моется в душе. К удивлению Наташи, прямо в своём костюме. Гость объяснил, что он быстро высохнет и вообще это вещь «многофункциональная». Но ей всё равно это кажется немного странным. Она ему уже приготовила кое-какие вещи отца, которые должны

прийтись впору. Вот только как бы так по деликатнее заставить его переодеться? Кто его знает, какие там, в будущем, обычаи?

Приготовив чай на двоих, с пряниками, Наташа принялась чутко прислушиваться к доносящимся из коридора звукам. Она ждала, когда же Ярослав, наконец, закончит банные процедуры. Ей очень не терпелось задать ему кучу вопросов. Набрасываться на человека с порога очень некультурно. А так, за кружечкой чая, на кухне. Самое милое дело.

В ожидании Наташа начала потихоньку цедить остывающий чай. Солнечные лучи за окном стали потихоньку прятаться задвигающимся каскадом облаков. Не туч, а именно облаков. Не было в них той, присущей тучам, свинцовой хмурости. Цвет их был тёмно-белым, что говорит о маловероятности дождя. По крайней мере, в ближайшие часы.

Вышел из ванной гость лишь спустя сорок минут. Посвежевший, всё в том же костюме, только более чистом и, как ни странно, полностью сухом.

- Проходи, садись. Вот чай, правда он уже немного остыл. Вот пряники, если хочешь.

- Спасибо, - улыбнувшись, произнёс он, садясь за стол. От его улыбки Наташа немножечко поплыла.

- Хи-хи! - непроизвольно издала смешок она.

- Что-то не так?

- Ничего. Просто ты так сосредоточено пьёшь чай, будто от этого зависят судьбы мира. Хи-хи! Извини, пожалуйста! Не хотела тебя обидеть.

- Хм. Да. Просто ностальгия нахлынула. Я чай пил последний раз в далёком детстве, - сказал пришелец и взял из вазочки пряник.

- Расскажешь? - спросила Наташа как можно более невинно, и под видом употребления чая спрятала моську в белой фарфоровой кружке. Ей было немного неловко начинать допрос, но любопытство оказалось сильнее любого стеснения.

- Да, как раз собирался начать. Скажи Наташа. Какой из трудов Ленина тебе запомнился лучше остальных?

- Э-э-э? - сказать, что это был выстрел в упор, значит, ничего не сказать. - Ну, «Государство и Революция». А причём здесь...

- Хорошо. Что ты можешь сказать по первой главе? - перебил её Ярослав. В этот момент он буквально перевоплотился из милого парня в строгого преподавателя.

- Ну-у... первая глава наиболее... наиболее полно раскрывает суть... раскрывает суть работы Владимира Ильича Ленина, Вождя Мирового Пролетарского Движения... - начала бубнить Наташа. Вспомнила зимнюю сессию, на которой также, о чём-то подобном, распиналась перед преподавателем по Марксизму-Ленинизму. Она тогда, совершенно не думая, вывалила на профессора какую-то бессвязную ересь, томившуюся в её голове. Получила тройку и благополучно забыла об этом. До следующей сессии.

- Это ты сейчас с кем разговариваешь? - вопросительно приподняв бровь, осведомился мужчина, оборвав её. Поняв, что делает, девушка густо покраснела, уставившись в пол.

- Прости. Я... я не читала Ленина. Я не хотела тебя обманывать. Просто... так вышло.

- Ничего страшного. Я с самого начала так и подумал. Понимаю, мы знакомы недолго, но прошу тебя, не надо мне лгать, если в этом нет острой необходимости. Хорошо? – на его лицо вновь наползла та очаровательная улыбка, что так понравилась ей. И он успокаивающе положил свою ладонь поверх её. Отчего Наташу, будто электрическим током ударило. Да что с ней такое?! Руку она, кстати, так и не убрала.

- Хорошо. Но причём здесь Ленин?

- Дело не в самом Ленине. Скажи, ты читала что-нибудь из Маркса, Энгельса, Сталина? Качаешь головой. Ну, я, в общем-то, не сомневался, что это так. Эх-х! Ладно, не буду ходить вокруг да около. Через шесть лет, в девяносто первом году, Советский Союз перестанет существовать и распадётся по границам национальных республик. Локальные гражданские войны практически в каждой республике, катастрофическое, в несколько раз, падение уровня жизни. Дикий капитализм, спад производства, раз так в десять, из-за повальной приватизации предприятий. Деградация образования, культуры, медицины, науки. Невиданный со времён Гражданской Войны бандитский разгул. Как следствие, сорок семь миллионов погибших по всему бывшему Союзу, и двадцать персонально в бывшей РСФСР. Также рост национализма, иногда даже откровенного нацизма. Вот собственно ито, что пока меня очень сильно волнует.

Когда он заикнулся о разрушении страны, Наташа не то чтобы ему не поверила. Скорее сказанное настолько не вязалось со всем... да просто со всем, что она как-то не восприняла это. Но чем дальше Ярослав говорил, тем страшнее ей становилось, ужас проникал в каждую клеточку её тела. О вещах, просто невообразимых, о которых не то, что сказать, подумать без содрогания нельзя, пришелец говорил совершенно спокойно, словно бухгалтерский отчёт зачитывает. Снова пришла ассоциация с дедом, ветераном Войны. В его рассказах порой мелькали вещи, заставляющие кровь стынуть в жилах. А он говорил о них абсолютно ровно, спокойно, обыденно. Именно такая постановка вопроса очень удивляла и пугала маленькую, и не очень, Наташу. И ровно тоже самое её страшит прямо сейчас.

- Как? Почему? – только и смогла вымолвить она после всего сказанного. В носу ощутимо защипало, а на глаза навернулись слезы.

Пришелец, увидев, в каком она состоянии, тут же встал со своего места и подошёл к Наташе. Взял за руку, провалившуюся в крайнее душевное расстройство, девушку, и повёл в гостиную. Там усадил на диван и, прижав к себе, принялся успокаивать. Гладил по голове и шептал что-то успокаивающее.

В его объятиях она чувствовала себя очень уютно, и нахлынувшие до этого отрицательные эмоции стали потихоньку. И, надо сказать, что девушка не разрыдалась, как думала сама поначалу. Успокоившись, она испытала сильное смущение из-за подобной близости. И тут же отстранилась.

К сожалению, он не стал её удерживать в своих объятиях. Легко выпустил, стоило Наташе чуть дёрнуться в противоположную сторону.

- Почему... как это случится? – более или менее спокойно спросила девушка. Они с Ярославом сидели на двух противоположных концах дивана. Она залезла на него с ногами, обхватив свои нижние конечности верхними, ждала ответов. Он же, не глядя на неё, уставился в какую-то понятную ему одну точку перед собой. В фокус его зрения, кстати, идеально попадал сервант с хрусталём.

- Это... очень сложный вопрос. Тут столько всего... - произнёс он, не поворачиваясь к ней и чуть опустив голову.

- Прежде всего, нужно сказать, что фундаментальной причиной краха Советского Союза является партократия, то есть практически абсолютная власть бюрократического аппарата КПСС, - начинаю говорить, и во мне просыпается «лекторский» тон. Хм. Пожалуй, не лучший вариант при живом общении. К тому же, один на один. – Понимаешь, ввиду отсутствия какого-либо контроля снизу, со стороны Советов или профсоюзов. Из-за неподсудности партийных начальников, начиная с определённого уровня, партия в определённый момент стала массово перерождаться, гнить...

Я продолжал говорить, выплёскивая на девушку то, что мне и миллионам детей рассказывали в школе. А потом эти подросшие дети испытали на своей шкуре правдивость этих простых истин. Про Войну я ей не рассказывал. Ей и про крах страны, в которой она живет, очень тяжело слушать.

- ...теперь понимаешь, о какой помощи я говорил тогда, в лесу.

- Да, теперь понимаю. Но если всё так, как ты сказал... как это вообще можно предотвратить?!! Если все кругом предатели, кто-то больше, а кто-то меньше, - вначале её голос звучал на довольно повышенных тонах, но потом, как ни странно, вместо того, чтобы ещё больше распаляться, она успокоилась.

- Не буду врать, понятия не имею. Вчера только об этом и думал. Лично я, не знаю как ты, не прощу себе, если даже не попытаюсь предотвратить грядущий катаклизм.

* колл – многофункциональный армейский рюкзак. Входит в состав пехотной амуниции. После Третьей Мировой Войны получил широкое распространение за счёт удобства, простого функционала и надёжности. Является кластерным полимерным изделием, имеющем связь с нейросетью. Может с помощью нейрокоманд меняться в очень широких пределах.

* К 2062 году средняя, зафиксированная в статистике, продолжительность жизни остановилась на отметке в сто пятьдесят – сто шестьдесят пять лет. Естественно, процесс старения существенно замедлился по сравнению с тридцатыми годами двадцать первого века, не говоря уже о более ранних периодах.

<http://tl.rulate.ru/book/23632/488349>